

РОССИЯ И ФРАНЦИЯ В 1789—1792 гг.

ПО МАТЕРИАЛАМ ПЕРЛЮСТРАЦИИ ДОНЕСЕНИЙ ФРАНЦУЗСКОГО
ПОВЕРЕННОГО В ДЕЛАХ В РОССИИ ЭДМОНА ЖЕНЕ

Статья С. Богоявленского

Наши архивы обладают очень ценным историческим источником, до настоящего времени в науке совершенно не использованным: это перлюстрации, т. е. копии перехваченных писем. В архивах западных государств найдется мало перлюстраций, так как они, во избежание недоразумений и законных протестов корреспондентов, в большинстве случаев уничтожались скоро после использования. Царское правительство действовало иначе—оно сохраняло с половины XVIII века перлюстрации в особых картонах или переплетах, и в них исследователь найдет дубликаты материалов погибших или малодоступных. Иногда самый факт перлюстрирования, когда в руки того или другого государственного деятеля попадает секретный материал, может дать объяснение непонятного на первый взгляд поступка. Поясню это примером: в 1791 г. в политическом мире царило чрезвычайное напряжение, так как ждали неминуемого столкновения между Россией, с одной стороны, и Англией и Пруссией—с другой. Прусские войска и английский флот готовы были к выступлению, а, между тем, Екатерина II, связанная по рукам и ногам войной на два фронта, с Турцией и Швецией, не шла ни на какие уступки. Разгадка ее удивившей всех непреклонной решимости рисковать самыми насущными интересами государства из-за небольшой, малонаселенной территории на левом берегу Днестра, о которой шел спор, кроется в том факте, что Екатерина имела возможность перлюстрировать всю переписку прусского посла гр. Гольца с прусским королем и его министрами и могла убедиться, что Англия только для вида бряцает оружием, так как сильная оппозиция не сочувствует планам Питта, и что в самой Пруссии было сильно движение против недостаточно мотивированной войны; во главе этого движения стоял министр иностранных дел Герцберг, старавшийся умерить воинственный задор своего повелителя и встречавший сильную поддержку со стороны самых видных генералов.

Французская революция конца XVIII века, нашедшая отклик во всех странах, вызвала со стороны перлюстраторов прилив особого усердия. Правительство Екатерины II изыскивало все способы проникнуть в переписку «подозрительных» лиц, а особенно французов, взятых под особое наблюдение, как возможных распространителей революционных идей. Сугубое внимание привлекла переписка официального представителя революционной Франции, Жене, но не оставлены были без внимания и приютившиеся в России французы-эмигранты, письма которых систематически вскрывались на почте. В настоящей статье мы предполагаем дать

краткий обзор перлюстрированной переписки Жене и извлечь из нее то, что касается влияния революции на политику Екатерины, проявления революционных настроений в русском обществе, положения Жене в петербургском обществе, его связей с придворными кругами и с офицерской молодежью, а также тех сторон русской действительности, которые могли способствовать успеху революционных идей¹. При этом надо иметь в виду, что переписка Жене являлась одним из источников, по которым Екатерина составляла свое представление о Французской революции, что воздействие Жене на настроение верхов русского общества, в котором он вращался, отражало его личные настроения и его осведомленность, а потому необходимо дать характеристику личности самого Жене и проследить, как старые, традиционные взгляды уступают место новым революционным идеям.

Жене вел обширную официальную и частную переписку. Он писал много и часто, писал неосторожно и с большой резкостью, и вся его переписка перехватывалась, расшифровывалась и попадала в кабинет Екатерины. Императрица сама читала перлюстрации, и в дневниках ее секретаря Храповицкого постоянно встречаем заметки, что читаны были перлюстрации переписки послов и поверенных в делах то Франции, то Англии, то Австрии, то Баварии. Она не стеснялась признавать, что на почте вскрывают письма. Жена гр. Сегюра, чтобы иметь уверенность, что письмо ее дойдет до назначения, прямо адресовала его на имя императрицы с просьбой о передаче гр. Сегюру. Последний был очень смущен такой дерзостью, но Екатерина его успокоила и сказала: «Напишите от меня вашей супруге, что она может вперед посылать вам через мои руки все, что хочет; по крайней мере, вы тогда можете быть уверены, что ваших писем не станут распечатывать». «Императрица говорила правду,—прибавляет к этому Сегюр,—в ее империи, как и везде, чиновники раскрывали всякие письма и депеши. Это—обыкновение не только безнравственное, но и опасное по злоупотреблениям, к которым оно может подать повод. С другой стороны, оно довольно бесполезно, все это знают, и, следовательно, пишут осторожно, а иные пользуются этим, чтобы понравиться разными обманчивыми похвалами»². Но Екатерина не стеснялась сама прочитывать письма графини Сегюр к мужу, о чем говорит Храповицкий: «Нашли в письме жены гр. Сегюра, что де Калония сменен» (26 апреля 1787 г.)³. Сам же Сегюр, находивший перлюстрирование безнравственным, подкупал русских чиновников и таким путем извлекал нужные для него секретные сведения.

Сегюр правильно указал, что иногда письма посылались именно с расчетом, что они будут перлюстрированы. Этим способом воздействия пользовалась сама Екатерина. Тот же Храповицкий сообщает: «Читали мне готовое письмо к князю де Линь... Тут довольно круто писано о худых успехах прусской и австрийской армий и сколько страдают несчастью французских принцев. Хотят, чтоб сие письмо видел император. Послали к Зубову на низ, там присоветовали, чтоб пустить и через Берлин. Похвалили такую мысль и велели так письмо отправить, дабы и в Берлине могли перлюстривать» (1 ноября 1792 г.)⁴.

Пользовался таким способом и Жене. В зашифрованной депеше к французскому министру иностранных дел Жене пишет: «Одно лицо, находящееся в большой милости и очень расположенное ко мне, сообщило мне секретно, что депеша № 104, которую я написал без шифра, была пред-

ставлена императрице и произвела на нее большое впечатление. Поэтому я написал еще письмо, в котором наметил способ, как русские министры могут ликвидировать неловкое положение, создавшееся по отношению ко мне» (16 декабря 1791 г.).

В переписке французского министерства иностранных дел с Жене применялся сложный шифр, но и зашифрованная переписка могла быть перлюстрирована. Для этого надо было проникнуть в тайну шифра. В сохранившихся от екатерининского времени перлюстрациях можно найти следы, как один из чиновников коллегии иностранных дел, судя по замечкам на полях—немец, пытался разгадать незнакомый ему шифр, пробуя переводить цифровые обозначения на те или другие буквы. Но по мере того, как развивалось искусство расшифрователей, совершенствовался и усложнялся способ составления шифров, в частности, одна и та же буква могла обозначаться не одной определенной цифрой, а иметь 4—5 цифровых обозначений, употребляемых произвольно; вставлялись цифры, ничего не обозначающие, многие цифровые обозначения соответствовали не отдельным буквам, а сочетаниям букв и т. д. Иногда удавалось разгадывать и очень сложные шифры, но такая работа требовала большой затраты времени, и успех ее не был гарантирован. Вернее было обратиться к другому способу—к покупке шифра. Хотя надзор за сотрудниками дипломатического корпуса всегда был очень строг, однако, соблазн продать секрет шифра за большие деньги не всегда уступал голосу долга и патриотизма. Шифр чрезвычайно сложный, которым пользовался Жене в переписке с Монмореном⁵, был куплен в Париже русским послом Симолиным у одного из сотрудников Монморена (см. об этом в предыдущей публикации настоящего издания, донесение Симолина от 24 мая/4 июня 1790 г.).

Учитывая возможности, что тайна шифра тем или другим путем будет известна именно тем, от кого тщательно скрывалось содержание дипломатической переписки, министры старались чаще менять шифры. 19 декабря 1790 г. Монморен писал Жене: «Так как шифр общей корреспонденции уже давно в употреблении, то я прошу вас употреблять его как можно реже и ни в каком случае не употреблять его в секретной переписке. Я распоряжусь приготовить для вас новый шифр для переписки между Петербургом и Константинополем и прислать его при первом удобном случае». Однако, несмотря на перемену шифров, вся переписка Жене, за очень немногими исключениями, подвергалась расшифрованию и перлюстрации. Даже такие депеши, которые были получены Жене или были посланы от Жене через посредство французских путешественников, негоциантов и офицеров, попадали в канцелярию коллегии иностранных дел. Например, было перлюстрировано письмо Монморена от 1 апреля 1790 г., пересланное Жене через посредство лейтенанта Морара. Очевидно, что среди сотрудников Жене был подкупленный человек. В одном из донесений Жене читаем сообщение, что жившие в Петербурге французские эмигранты пытались подкупить его секретаря и получить от него шифры, но секретарь оказался неподкупным (1 мая 1792 г.). Возможно, что то, что не удалось эмигрантам с их очень ограниченными средствами, удалось правительству Екатерины II. Храповицкий свидетельствует 16 августа 1791 г.: «Взято секретно на 500 тысяч векселей на предъявителя для употребления по делам французским»⁶.

Но если царское правительство не без успеха старалось проникнуть в тайны французских дипломатов, то и последние отвечали тем же, получая

интересные для них сведения от своих платных и бесплатных агентов. Сегюр и Жене, слишком доверяясь тайне шифра, невольно выдавали своих осведомителей. Сообщая шифрованной, но все-таки перлюстрированной депешей своему министру иностранных дел о том, что в Петербурге идет кампания против французского правительства, к которому стараются возбудить недоверие у Екатерины, и что Екатерина сказала близкому лицу несколько слов о беспомощности Франции и ее печальном положении, Сегюр настоятельно просил министра не показывать вида даже каким-либо намеком в разговоре с русским послом, что получены подобные сведения, потому что в Петербурге легко отгадают, кто осведомляет французского посла, и закроется надежный источник информации (2 октября 1789 г.). Через некоторое время в Петербурге, вероятно, с улыбкой читали перлюстрированное наставление Монморена заместителю Сегюра Жене, чтобы он не проболтался о содержании депеши Сегюра за таким-то номером. Получив копию перлюстрированной шифрованной депеши Жене, в которой сообщалось, что отношение императрицы к французам улучшилось и что на предложение изгнать из России всех французов Екатерина ответила резким отказом, она не удержалась, чтобы не сделать на полях пометку такого содержания: «Наверное, Жене имеет какого-то осведомителя в моей комнате, мне кажется, я догадываюсь, кто это». Двух своих платных агентов Жене выдал с головой, назвав в своей депеше их имена. В июне 1792 г. ходили упорные слухи, которые подтвердило Жене «одно хорошо осведомленное лицо», что противники Французской революции решили приступить к энергическим военным действиям, собираются отправить флот, который должен был высадить десант в Нормандии. Жене поспешил послать шифрованную депешу, что им приняты меры, чтобы на каждом русском корабле был его агент-осведомитель, а во главе их будут два видных офицера. «Это два молодых морских офицера, один голландец, другой француз по происхождению, рожденный в Англии по безрассудству Людовика XIV⁷, но опять сделавшийся французом, благодаря мудрости наших новых законов и отеческой доброте Людовика XVI. Имя первого Луск, а второго Шатонёф. Не из выгоды они будут нам служить, а из ненависти к деспотизму, любви к свободе и в надежде попасть в наш флот. Оба с отличием служили России, имеют почетные дипломы, уважаемы товарищами и начальниками. Они сумели завербовать осведомителей на каждом корабле и даже в адмиральском совете. Но не только этим ограничивается их усердие: Шатонёф, который был адъютантом и секретарем морского министра, предполагает оказать нам особенно ценные услуги. Получив отпуск по болезни и добившись от своих друзей и покровителей писем ко всем русским министрам в северных странах, в Нидерландах, Англии, Италии, он отправится отсюда в Копенгаген со своим товарищем Луском, представит его русскому посланнику и оставит его в этом порте, чтобы сблизиться с офицерами, которых можно привлечь на свою сторону, и о своих действиях давать отчеты французскому посланнику... Шатонёф будет наблюдать, как русский офицер, в Гамбурге и Брюсселе... проникнет на Рейн, чтобы разузнать о планах эмигрантов... Ему я выдал 600 рублей на издержки по путешествию и снабдил его паспортом» (12 июня 1792 г.). В «Общем морском списке» оба эти офицеры упомянуты, дан краткий их послужной список, но о конце их службы сказано неопределенно: Луск в 1790 г. уволен от службы, а Шатонёф «выбыл до 1792 года»⁸.

Морское ведомство стало предметом особого внимания Жене. Вот что могла узнать Екатерина из его перлюстрированных депеш: «Я читал все приказы, данные принцем Нассау⁹, и об укреплении берегов Финляндии, видел планы всех работ, ему порученных» (20 сентября 1791 г.). «Я имею много агентов во флоте и в различных отделениях морского ведомства, которые сообщают мне о всех полученных приказах. Это стоит больших денег, но эти расходы неизбежны, особенно в моем положении» (13 января 1792 г.). «Я послал в Кронштадт верного человека, чтобы разузнать о ходе вооружения кораблей». «Вчера я послал эmissаров в Кронштадт и в Ревель» (25 мая 1792 г.).

В дневнике Храповицкого есть указания на подкуп французскими деньгами чиновника иностранной коллегии. Под 28 июля 1791 г. записано: «дан секретный указ Шешковскому¹⁰ и мне, чтоб, взяв коллегии иностранных дел секретаря надв. сов. Вальца, допросить в сношениях его с иностранными министрами и не знает ли он того же за другими? Ибо от Симолина получена из Парижа выписка о расходах по иностранному департаменту, в коей показано на него в 1787 г. 60 т. ливров, да в трех последующих годах по 6 т. в каждый»¹¹. Вальц обслуживал французского посла гр. Сегюра. Из перлюстрированной депеши прусского посла Гольца к королю можно было узнать, что Вальц доставлял разные сведения и в прусское посольство при предшественниках Гольца.

Особенно бдительно Жене следит за представителями эмигрантов. Его тайные агенты подслушивают разговоры между секретарями принца Нассау, а некоторые из этих агентов даже прикинулись сторонниками эмигрантов, чтобы проникнуть в их намерения (15 июня 1792 г.). «Мои друзья того и другого пола аккуратно сообщают мне все секреты, какими безрассудно делится с ними Эстергази¹², как новичок в дипломатии» (2 декабря 1791 г.). «Бомбель»¹³ выработал план восстановления Франции. Он прочитал его одному из моих друзей, который для моих целей прикинулся сторонником аристократов»,— вот какие признания Жене неосторожно доверяет шифру. «Я проследил на почте корреспонденцию Бомбеля. Он регулярно пишет Сен-Присту¹⁴ и Бретейлю¹⁵ длинные письма. Письма к Бретейлю зашифрованные» (2 марта 1792 г.). На основании этих строк можно заключить, что Жене удалось каким-то путем завербовать агентов и в почтовом ведомстве.

Кроме того, в донесениях Жене находим постоянные ссылки на разного рода источники: «надежные, но совершенно секретные», «очень верные» и т. д. В них он почерпает сведения, в каком настроении императрица, что она сказала, что намеревается предпринять, какие вести привез курьер от Потемкина, какого содержания написанный, но еще не посланный ответ императору и т. д. Выставляя на вид свои связи в высшем обществе Петербурга, Жене старался уверить своего министра, что «тайные планы императрицы мне вполне известны» (4 ноября 1791 г.). Это было, конечно, преувеличением, но осведомленность Жене все же надо признать очень значительной: ему стали известны, например, планы военных действий на юге тотчас же, как Потемкин написал о них Екатерине (16 октября 1789 г.), содержание присланных Симолиным из Парижа донесений (29 июня 1792 г.) и т. д.

Жене (Edmond Genet, род. 1765) случайно в молодых годах,—ему было только 24 года,—занял высокий пост французского поверенного в делах при русском дворе в самое трудное время, когда и многоопытный

дипломат, пользующийся большим личным авторитетом, мог бы только при большой ловкости и изворотливости сохранить достоинство своего высокого положения. В 1789 г. покинул свой пост французского посла в России граф Сегюр, ловкий дипломат, умевший приобрести расположение Екатерины и уважение князя Потемкина. Уезжая, Сегюр на время, до приезда нового посла, оставил в качестве поверенного в делах своего секретаря Жене. Но новый посол так и не явился в Россию до разрыва дипломатических сношений в 1792 г., и Жене целых три года оставался официальным представителем Франции при русском дворе. В своих записках гр. Сегюр пишет о нем: «По желанию королевы, мне дали молодого человека, пользовавшегося ее покровительством, г-на Жене, брата г-жи Кампан¹⁶. Он был умен, образован, знал несколько языков и был талантлив, но очень пылок. Впоследствии он был увлечен революцией и назначен партией жирондистов посланником в Американские штаты. Там его кипучая деятельность оборвалась в попытке пошатнуть авторитет Вашингтона и дать американскому правительству более демократический характер»¹⁷.

Есть основание думать, что в некоторых случаях Жене был жертвой своей наивности. В одном из писем он сообщает, со слов одного из приближенных к Екатерине лиц, что его письмо, написанное без шифра, произвело на императрицу сильное впечатление. Но это лицо не сообщило, что читаются и зашифрованные письма. В то время как, по словам Жене, он был со всех сторон окружен шпионами и мог посещать только иностранцев, жена одного сановника, пользовавшегося большим влиянием, пригласила столь опасного демократа к себе и сообщила ему много интересного о планах императрицы (11 ноября 1791 г.), а последняя об этом визите, вероятно не без улыбки, прочитала в перлюстрированном донесении Жене.

Отметим еще следующее. Екатерина смотрела на слабовольного короля Людовика XVI с большим презрением; нелестные отзывы о нем рассыпаны в дневниках Храповицкого, между тем, политические соображения заставляли Екатерину высказывать самые горячие знаки сочувствия королю и его семейству, и до Жене доходили только сочувственные отзывы, а о презрительных он никогда ни от кого не слышал. Когда Екатерина получила известия о том, что положение королевской семьи становится все более тяжелым, то о необыкновенном будто бы сочувствии императрицы к королевской семье немедленно сообщило Жене лицо, присутствовавшее при чтении этого письма Екатериной, следовательно, очень близкое к императрице (3 ноября 1789 г.).

В конце своего пребывания в России Жене стал подозревать, что с его секретной перепиской дело обстоит неблагоприятно. «Я имею основания подозревать, что мои письма задерживаются или перехватываются» — писал он 27 декабря 1791 г.

Жене был представителем революционной Франции, но увлечение революционными идеями овладело им не сразу. В письме от 3 ноября 1789 г. он представляется даже противником революции, так как одобряет меры, принятые Екатериной, чтобы не допустить проникновения в Россию революционных идей. Сообщая Монморену о том, что парижские события производят при русском дворе потрясающее впечатление, Жене прибавляет: «Принимаются очень разумные меры, чтобы не проникали в страну сведения о волнениях, которые так удручают Францию и вызывают у нее

КОПИЯ ПРИСЯГИ ЭД. ЖЕНЕ
КОНСТИТУЦИОННОМУ СТРОЮ
Из перлюстрированного письма Жене
к Монморену от 21 января 1791 г.

Архив феодально-крепостнической
эпохи, Москва

*Российскому посланцу в Париж Монморену
в Париже 21. Января 1791 года.*

Monsieur,

*Donn' me conformez aux vœux que vous m'avez
transmis de la part du Roi, je m'engage de
vous adresser le serment qui m'est présent par
le décret de l'Assemblée nationale du 20. jbre
1790. auquel Sa Majesté a daigné donner
sa sanction. Je suis, Genet.*

*Je jure d'être fidèle à la Nation, à la Loi,
et au Roi, de maintenir de tout mon pouvoir
la Constitution décrétée par l'Assemblée Natio-
nale, et acceptée par le Roi, et de défendre*

болезненные конвульсии... Строго следят, чтобы не нарушалось запрещение говорить в общественных местах о политике; недавно подвергся взысканию один французский адвокат, который слишком увлекся декламацией; усиленно следят за другими представителями нашей нации, которые имели безумие, несмотря на мои наставления, плохо отзываться о правительстве; наконец, заискивают и усиленно ухаживают за гвардией, которая так часто распоряжалась тронem... Эти благоразумные меры направлены на поддержание самодержавия и блага России».

Жене в это время видел в революции только проявление анархии: «Мы показали Европе печальную картину всех бедствий, какие влечет за собою анархия» (15 января 1790 г.).

По мере того, как развивалось в Париже революционное движение, положение Жене в Петербурге становилось все труднее. Между французским королем и народом разверзалась пропасть все шире и шире. Ставленник королевы, Жене должен был решить, какой стороны держаться. Не принадлежа к родовитому дворянству, Жене свое дальнейшее продвижение по службе должен был связать только с успехами третьего сословия. Он был только временным поверенным в делах Франции при русском дворе и знал, что его самостоятельному положению придет конец, так как французским послом был уже назначен маркиз д'Осмон¹⁸. 21 января 1791 г. Жене решился сделать важный шаг, который сблизили его с революцией: он подписал текст присяги на верность новому строю. Теперь он с большим правом мог хлопотать о назначении на более выгодное место,

но чрезмерная живость его характера не нравилась министру иностранных дел Монморену, который, очевидно, предпочитал более осторожных дипломатов. Монморен очень редко и очень сдержанно писал к Жене, делал ему выговоры и, несмотря на поддержку близкой к королеве г-жи Кампан, обходил Жене в назначениях. Свои претензии Жене основывал на заслугах, которые сам расценивал очень высоко: ему всего 27 лет, но дипломатический стаж его определяется, по его счету, 15 годами; кроме того, он известен своими научными трудами, опубликование которых «открыло ему двери различных академий». За рекомендациями Жене, между прочим, обратился к барону Бретейлю, который уже числился эмигрантом.

Неудавшееся бегство королевской семьи и арест короля произвели на Жене сильное впечатление. Он немедленно написал два письма, одно к Монморену, а другое к французскому послу при прусском дворе Мустье¹⁹, под начальством которого он некогда служил в Лондоне. К Монморену он писал: «Русские министры о наших делах говорят очень сдержанно, но при дворе и в обществе такой сдержанности нет. Несмотря на то, что я соблюдаю крайнюю осторожность, мое положение становится с каждым днем все труднее и печальнее» (26 июля 1791 г.). Очевидно, при дворе самодержавной государыни ждали от Жене определенного ответа, стоит ли он за монархию так, как принцы и эмигранты, или проникся идеями народовластия. Со своими сомнениями, какой линии держаться, Жене обратился к Мустье: «Нельзя выразить, как я удручен нелойальным поведением принцев. Я никогда не ожидал от короля подобного образа действий. Наше положение становится с каждым днем труднее, и очень хочется, чтобы обе власти, которым мы должны оказывать почтение и подчинение, были в согласии. С чрезвычайным волнением жду вашего ответа» (26 июля 1791 г.). Ответ Мустье, определенного врага революции, не мог разрешить мучивших Жене сомнений. Мустье написал письмо без шифра, очевидно, в расчете на перлюстрацию: «Екатерина II завоевала славу на всех поприщах и заставляет не только приветствовать ее успехи, но и удивляться им. Пусть же она испытает удовлетворение во всех делах, какие будет предпринимать, руководясь своим характером, твердым и благородным, который она всегда проявляла так блистательно. Если бы я имел случай встретить ее, я рассыпал бы по ее пути розы». Видно, что Мустье в самой осторожной форме дал понять и Жене, и Екатерине, что ему попрежнему дорог монархический принцип. Но, повидимому, Жене уже поборол в себе старые традиции, и в его письмах звучат иные нотки. Если прежде он одобрял меры, принятые для ограждения самодержавия от революционного натиска, то теперь он громит деспотов, врагов свободы. Говоря о смутах в Польше, он прибавляет такие соображения: «Возможно, что при наступлении мира постараются расправиться с этой несчастной страной. Свобода приводит в ужас деспотов Европы; они хотели бы соединиться, чтобы ее уничтожить, но народы, которые ею пользуются, тесно соединены и дадут отпор этим стремлениям. Долго я не мог усвоить направление новой конституции. Следствия революции меня устрашали, но теперь я вполне привержен той системе, которую избрал народ» (29 июля 1791 г.).

Положение очень осложнилось, когда Екатерина заявила, что она считает короля несвободным и потому отказывается иметь какие-либо дела с аккредитованным от него поверенным в делах, лишенным теперь возможности получать королевские инструкции.

2 сентября 1791 г. Жене писал Монморену, что ему отказано от двора, но что его патриотизм от этого только окреп, и он посылает 600 ливров на содержание Национальной гвардии, защищающей границы. Жене заявил протест против распоряжения русской власти, причем подчеркнул неблагодарность царского правительства, которому французская дипломатия не раз оказывала существенные услуги. По словам прусского посла Гольца, эта нота произвела на Екатерину крайне неблагоприятное впечатление. В Вене французский посол Ноайль также был удален от двора, но на короткое время, потому что император признавал более удобным считать волю короля свободной, верить, что король добровольно принял конституцию, и таким образом освободить себя от тяжелой обязанности рисковать своими военными силами и денежными средствами на защиту своей сестры, королевы французской. Екатерина же думала, наоборот, что ей выгоднее считать короля несвободным и запутать европейские державы во французские дела. Она искала в переписке Жене доказательств этого и старалась всегда подчеркнуть, что французский король несвободен и принужден подписывать то, что представляют ему революционеры. На перлюстрированном письме Лессара²⁰ к Жене об одобрении королем закона о преследовании врагов конституции (23 января 1792 г.) Екатерина сделала такую приписку: «Достоин примечания, что и тут двойность видна». Когда король прислал на имя Екатерины письмо с сообщением, что он свободно принял конституцию, то в коллегии иностранных дел отказались принять его (17 января 1792 г.), а от Жене и его секретаря отходили с большим испугом, потому что за общение со столь опасными революционерами были объявлены жестокие кары.

В таком положении непризнанного дипломата Жене прожил в Петербурге целых 10½ месяцев. Д'Осмон не пожелал или не мог ехать в Россию, официального разрыва дипломатических сношений не было, потому что Симолин продолжал жить в Париже в качестве русского посла. Определенно повернув влево, Жене, со свойственной ему пылкостью, все более ускорял свои шаги. В сентябре 1791 г. Эстергази уже видит в нем ярого революционера и не считает возможным иметь с ним какие-либо дела. Перед ним открывались виды на дальнейшую дипломатическую карьеру, так как г-жа Кампан писала ему о слухах, что предполагается демократизировать дипломатический корпус. Жене настоятельно просит сестру похлопотать за него и посылает в Париж на содержание Национальной гвардии сперва деньги, а потом золотые вещи, всего на сумму в 13 000 ливров. Пожертвования препровождались Монморену при самых патриотических письмах. Вместе с тем, Жене писал гр. Сегюру и о своих жертвованиях и о своих письмах Монморену с таким прибавлением: «Если вы думаете, что опубликование этих писем может увеличить число моих друзей, то прошу вас озаботиться этим. Мое рвение бескорыстно, но я вовсе не равнодушен к уважению, которое могу заслужить». Г-жа Кампан не одобряла поведения брата, видела в нем излишнюю экзальтацию. Один из его парижских друзей писал ему: «Твое поведение не находит себе одобрения даже среди людей, преданных революции». От Монморена Жене не удостоился даже простого уведомления о получении столь значительного пожертвования (24 октября 1791 г.). Но Жене чувствует в себе прилив новых сил и восклицает: «Чем больше врагов свободы, тем сильнее воспламеняется мой патриотизм». 9 августа 1791 г. Жене отправил своей сестре письмо, полное одушевления: «Я патриот не из расчета, а по доброй

совести, как всегда. Я люблю свободу, ненавижу насилие, и правила моего поведения основываются на гражданской присяге. Я верен до последнего вздоха закону, нации и королю».

Однако, сложность и безвыходность положения иногда его подавляют, и настроение его падает: «Если мы не можем внушить уважения к нашему порядку, то надо его бросить» (4 ноября 1791 г.). Но такой упадок духа был непродолжителен, и Жене возвращается к уверенности, что конституционная монархия—лучшая форма правления для Франции. Конечно, старые придворные связи тут играли значительную роль. «Сообщи королеве,—писал он сестре,—о моих чувствах и скажи ей, что я пролью свою кровь для ее защиты с такой же готовностью, как и для защиты конституции» (20 сентября 1791 г.). «Мое поведение докажет, что можно любить свободу и обожать короля» (22 ноября 1791 г.). Оторванный от революционной обстановки, Жене не пошел дальше в своем политическом развитии в то время, когда во Франции республиканские идеи уже боролись с монархическими, как он мог усмотреть из писем г-жи Кампан. Незадолго до отъезда из Петербурга он снова возвращается к теме о достоинствах конституционной монархии: «Наследственная конституционная монархия—лучшее средство противостоять губительному вмешательству иностранцев» (6 июля 1792 г.). Но он враг деспотизма и сторонников его и потому с энергией выступает против эмигрантов, «единственная заслуга которых заключается в том, что они покинули свое отечество во время пожара, чтобы кричать о нем перед иностранцами». Он презирает их и издевается над ними. В заметке из Петербурга, предназначенной для напечатания в парижских газетах, он сообщает: «Замечают, что французские эмигранты были гораздо спокойнее во время сильных холодов. Те же наблюдения сделаны в некоторых госпиталях нашего города относительно других больных» (20 марта 1792 г.). Екатерина не удержалась, чтобы не написать на полях: «Да это сумасшедший в полном смысле этого слова».

Жене ожидал скорого приказа о выезде из России и пытался сорганизовать при отъезде внушительную демонстрацию. По его указанию и наставлению, во всех частях города и во всех слоях населения были организованы выступления (в какую форму они вылились, Жене не указывает) против тех, которые возбуждали императрицу против французов. «Принц Нассау, Эстергази и Мейан,—сообщает Жене Монморену,—не были пощажены, они были заклеены общественным презрением, и умы были настолько возбуждены, что опять был отряжен ко мне Валуев, чтобы уверить меня... что найдутся люди достаточно твердые, чтобы удержать императрицу, если она поддастся наветам на нас. И другие лица делали подобные же уверения» (11 ноября 1791 г.). В русских источниках мне не удалось найти подтверждения сообщения Жене о столь значительном брожении, вызванном слухами о его отъезде. Но приказа о выезде пришлось ждать еще 8 месяцев, так как разрыв дипломатических сношений должен был повлечь за собой отзыв Симоллина из Парижа, где он был нужен для наблюдения за ходом событий. Положение Жене становилось все затруднительнее. Наконец, Жене был заподозрен в замыслах против Екатерины II. Возможно, что сообщение из Берлина, переданное петербургскому правительству прусским посланником Гольцем, относительно француза Бассевиля, который будто собирается ехать в Петербург, чтобы убить Екатерину, усилило подозрительное отношение к Жене иотягло его положение. В письме к министру Дюмюрье от 1 мая 1792 г. он сравнивает

преследование революционных французов с преследованием первых христиан, но «религия свободы, как и другие религии, укрепляется среди опасностей и препятствий».

Незадолго до отъезда из Петербурга Жене писал сестре: «Твои письма меня очень смущают. Ты видишь вещи в черном свете, знаешь дворы и значительных людей, но не имеешь никакого представления о движении политического организма. Если бы ты знала это, ты увидела бы, что все, что произошло с Францией, есть результат неизменяемого закона природы, и, чтобы вывести нас из кризиса, в котором мы теперь находимся, единственное средство—война, это великое лекарство для больных государств. Я в восторге, что представители народа обратились к этому средству, и если бы я имел состояние, я бы все отдал, чтобы принять участие в этом великом и полезном предприятии» (15 мая 1792 г.).

Наконец, приблизился день отъезда Жене из России. 20 июня 1792 г. он писал министру иностранных дел Шамбона²¹, что Екатерина велела ему выехать в восьмидневный срок и что он готов поступить на действительную военную службу в качестве драгунского капитана. Выехав из России, он остановился в Варшаве, ожидая распоряжений.

Впоследствии он оказался в Америке в качестве представителя Франции в Соединенных штатах. Он не вернулся на родину, женился на дочери губернатора одного из штатов, занялся хозяйством в купленном им имении и умер в 1834 г.

Письма Жене подтверждают характеристику, данную ему Сегюром. Несомненно, это был человек минуты и увлечения, склонный приписывать своим словам и действиям чрезмерное значение, способный к преувеличению. Самомнение ярко сказалось в его утверждении, что его научные труды открыли ему двери различных академий. В письме к одному ученому в Гааге, который, по ходатайству Жене, должен был получить из Петербурга от Академии наук издание *Flora Rossica*, он с апломбом заявляет: «Это зависело от меня» (26 ноября 1790 г.). В то же время Жене показывает практичность в достижении своих целей и, восприняв некоторые идеи революции, не оставляет, однако, стремлений к обогащению и успешной служебной карьере. Жене признавал, что он неспособен к революционной деятельности, и охарактеризовал себя такими словами в письме к своей сестре, г-же Кампан: «Я слишком легко возбуждаюсь, чтобы жить среди бурь» (7 января 1791 г.). В другом письме к сестре он просит выхлопотать ему должность генерального консула в России, чтобы прожить там в стороне от бурь революции (17 мая 1791 г.).

При критической оценке тех сведений, которые можно почерпнуть в письмах Жене, необходимо учитывать, что они исходят от умного и хорошо осведомленного, но слишком пылкого и увлекающегося корреспондента. Надо принять во внимание также то обстоятельство, что Жене шел по пути сближения с революцией совершенно самостоятельно, не встречая поддержки ни с какой стороны, но наталкиваясь на каждом шагу на серьезные препятствия. Его официальные руководители, министры Монморен и преемник последнего, Лессар, очень редко писали к нему и заботились больше о том, чтобы сдержать пылкую натуру Жене. Монморен делал Жене строгие выговоры за то, что он позволяет себе резкие выражения относительно порядка и людей той страны, в которой он проживает: если, против всякого ожидания, эти письма будут перлюстрированы, то это печально отразится и на деле и на судьбе самого Жене.

Внушение заканчивалось очень характерной фразой: «Я вас прошу не говорить о нашей революции ни хорошо, ни плохо» (31 мая 1790 г.). Лессар даже не сообщил Жене о том, что он назначен министром, так что Жене пришлось обратиться к нему с письмом такого содержания: «До меня дошли сведения, что уже давно вы назначены министром иностранных дел. Лично я вам неизвестен, но я скажу, кто я. Богатство меня прельщает мало, но благо государства—это моя страсть. Я доказал это до революции, во время революции и буду доказывать до последнего вздоха. Голос народа указал мне, что вы такой же добрый гражданин, как я» (30 декабря 1791 г.). Лессар ответил очень сухо письмом без шифра, рекомендуя выказывать большую сдержанность (23 января 1792 г.).

Какие же полезные сведения могла получать Екатерина из перлюстрации переписки Жене для проведения своих планов? Екатерина с беспокойством следила за развитием революции во Франции, так как для нее было важно, чтобы эта страна сохранила престиж своего могущества и оставалась ценным партнером России и Австрии в дипломатической, а если потребуется, то и в военной борьбе с Англией, Пруссией и Швецией. Екатерина очень желала, чтобы мирные переговоры с Турцией велись при посредстве французского посла в Константинополе, по старой традиции еще сохранявшего влияние на турецкую дипломатию, а не при посредстве представителей Англии и Пруссии, которые настаивали на мире *status quo* и грозили войной, если это условие не будет принято. Следовательно, в переписке Жене Екатерина могла искать сведений, в какой мере французская дипломатия отстаивает интересы России. Наконец, как можно видеть из отдельных фраз Екатерины, воспроизведенных в дневниках Храповицкого, и из переписки Безбородко с Воронцовым, она хотела использовать Французскую революцию, увлекши других мыслью о необходимости вмешательства во французские дела с целью восстановления старого порядка, а самой в это время пользоваться полной свободой в устройстве польских, турецких и шведских дел. Следовательно, перлюстрируя дипломатическую переписку, Екатерина могла определить, насколько иностранные дипломаты проникли в ее тайные намерения²².

Занимая временный пост, не имея со стороны своего министра определенных инструкций и, наконец, лишенный общения с русскими дипломатами, Жене не мог играть видной политической роли, но он все-таки был представителем Франции, писал в Париж подробные донесения о виденном и слышанном, высказывал свою точку зрения и, таким образом, мог до известной степени оказывать свое влияние на направление французской политики, тем более, что при частых встречах с иностранными дипломатами он мог воздействовать на них своими беседами. Кроме того, он вел обширную корреспонденцию с французскими представителями в Швеции, Пруссии, Австрии и Турции. Поэтому дипломатические рассуждения Жене имели известный интерес для руководителей русской политики, которые из перлюстрированных писем Жене могли убедиться, что его деятельность направлена не в пользу России. Екатерина была склонна вести мирные переговоры с Турцией при посредничестве Франции. Монморен правильно оценил представившийся благоприятный случай, чтобы поднять международный престиж Франции, а с другой стороны—дать отпор враждебной коалиции Англии и Пруссии. Однако, дело посредничества шло очень вяло, вследствие недоверия Екатерины к французскому послу в Турции, гр. Шуазель-Гуффье²³, который в прежнее время был известен, как враг России, и, кроме

того, надо думать, некоторую роль сыграли неосторожные выступления со стороны Жене, которые должны бы остаться тайной для русских дипломатов. Признавая, что двор и министры в России выказывают искреннюю дружбу к королю, расположение к французской нации и склонность завязать с Францией более тесные сношения, Жене считает необходимым добиваться, чтобы Россия умерила свои требования по отношению к Турции, и для этой цели пугает неизбежностью войны с Пруссией. Более того, Жене не ждет от заключения мира ничего хорошего. Вот очень характерная фраза из его письма к Монморену от 1 июля 1791 г.: «Наши чувства гуманности и наши философские убеждения должны побуждать нас не желать продолжения войны и даже вообще существования войны, но мы не должны скрывать от себя того, что, если мир будет заключен теперь, наша страна сделается очагом интриг всех государей Европы; между тем, если война затянется, то султан заплатит все издержки, а мы извлечем немалые выгоды, и в то время как другие государства будут спорить о клочке земли страны Магомета, мы сможем с успехом закончить наше дело». Через неделю, 8 июля 1791 г., Жене повторяет свою мысль, что в случае заключения мира все деспоты соединятся против Франции, и если она из этой борьбы выйдет победительницей, то только ценой крайнего истощения. «Никто здесь не знает моих мыслей», — добавляет Жене, слепо веря в надежность своего сложного шифра.

Жене советует втравливать Англию в дела северной Европы. Это отвлечет ее внимание от Франции. Его план — поссорить державы, в частности,

par les armes à feu. Depuis près de
deux années, que se passent-ils au mi-
lieu des armées, il a eu tout le loisir
de méditer sur le mécanisme et le traic-
ement de ses frères de plaisir. Il s'est
approprié sur la manière, dont agissent
les corps prompts par la poudre à canon,
et il a vu le devoir faire par la raison,
que les procédés chirurgicaux en font tous
jours les conséquences. Il a rassemblé
aussi des notions nouvelles sur les gran-
deurs. Il s'est employé avec succès
sur la phlogistique à rendre plus
pour arrêter les hémorragies.
On a observé que les Enigmes
françaises ont été infiniment utiles au
mor pendant les grands froids. Les mé-
decins ont été saisis dans nos
certaines hôpitaux de notre ville sur-
d'autres malades.

(C'est un peu dans l'esprit de l'ordonnance de l'armée)

КОПИЯ ПЕРЛЮСТРИРОВАННОЙ
ЗАМЕТКИ ЖЕНЕ ИЗ ПЕТЕРБУРГА
ОТ 20 МАРТА 1792 г., ПРЕДНАЗНА-
ЧЕННОЙ ДЛЯ ФРАНЦУЗСКОЙ
ПРЕССЫ

Внизу помета Екатерины II

Архив феодально-крепостнической
эпохи, Москва

Россию с ее соседями, чтобы они не могли сговориться относительно совместных действий против революционной Франции. Шведскому послу он намекает, что Россия организует революционное движение против короля Густава III; когда король был убит, уверяет, что и впредь неурядица в Швеции будет питаться русскими интригами. Прусского посла через его секретаря Жене старается уверить, что Россия стремится захватить Польшу со специальной целью пододвинуться к Пруссии вплотную, чтобы потом поглотить и ее (3 июля 1792 г.).

Когда стали намечаться признаки некоторого сближения России с Пруссией, то Жене «через верного человека» поспешил сообщить Гольцу, что Екатерина по соглашению с австрийским послом гр. Кобенцлем²⁴ искусно морочит прусского короля, смеется над ним и сравнивает его с маятником, который находится в постоянном движении, но никого не ударяет (18 мая 1792 г.). Жене предпринимает эти шаги, не имея на то указаний своего министра.

Надо отдать должное проницательности Жене, который очень скоро усомнился в искренности политики Екатерины по отношению к Франции. 2 августа 1791 г. он писал Монморену: «Некоторые воображают, что Екатерина решила с блеском вступить за короля и соединиться с теми, кто примется за удушение свободы, столь опасной для деспотов; но в настоящее время, если императрица высказывает свои чувства, то политика ее молчит, и я убежден, что она будет ждать для дальнейших шагов ответов от венского и мадридского дворов и окончания переговоров о мире». Позднее он сообщает свои соображения, что Екатерине выгоднее поддерживать во Франции гражданскую войну, так как Франция более других держав может помешать раздроблению Турции. «Екатерина будет содействовать нашему разорению, чтобы отвратить внимание Европы от своих широких замыслов» (13 сентября 1791 г.).

По мере втягивания европейских держав во французские дела и развития переговоров о создании коалиции против революционной Франции, Екатерина должна была принимать те или другие меры, чтобы уклониться от участия в намечавшейся интервенции. Двуличная политика Екатерины сбивала Жене. С одной стороны, «из очень верного источника» Жене узнал, что Екатерина предложила королю шведскому и королю прусскому войти с ней в переговоры относительно посылки к французским берегам 40 кораблей русского флота (18 ноября 1791 г.). С другой стороны, появились признаки внимания императрицы к Жене и нерасположения к эмигрантам. Письмом от 20 декабря 1791 г. Жене сообщил, что жена одного из его друзей, который в настоящее время пользуется большим влиянием, просила зайти к ней и сообщила, что знает из самого достоверного источника, что третьего дня императрица приняла решение никаким способом не вмешиваться во внутренние дела Франции, что об этом решено заявить принцам, императору и шведскому королю и что положение Жене будет восстановлено при первом удобном случае. Симптомом немилости к эмигрантам Жене считает намерение Эстергази выехать в Москву для ознакомления с ее достопримечательностями. Из сопоставления различных фактов Жене делает правильный вывод: «Екатерина воспользуется раздорами между контрреволюционерами, чтобы выбраться из этой истории ловко и незаметно. Она все обещает поддерживать дворянство и содействовать восстановлению прежней системы, но ее обещания так неопределенны, что Эстергази вчера у Зубова высказал свое неудовольствие. Екатерина

так мало думает о посылке вдаль своей армии, что принялась вводить в ней и во флоте большие реформы. Только с помощью интриг она будет мстить тем, кто мешал исполнению ее планов, и я убежден, что самые сильные батареи будут направлены против берлинского кабинета. Пруссаки не подозревают этого, но время покажет им действительные чувства Екатерины II» (7 февраля 1792 г.).

Несмотря на такой успокоительный вывод, слухи о снаряжении флота смущали Жене. Осведомители разно указывали направление морской диверсии: то к берегам Нормандии, то в Средиземное море. Жене счел своим долгом посоветовать взять под наблюдение офицеров, находящихся в Нормандии, так как «если состоится морская диверсия с этой стороны, что было предположено, то очень рассчитывают на Гавр и Беарнский полк» (2 марта 1792 г.). В Кронштадт и в Ревель посланы были агенты для наблюдения за подготовкой судов к плаванию. «Своим агентам я рекомендовал удвоить бдительность, и вы будете осведомлены обо всем, что произойдет. Во всяком случае, я могу вам сказать, чтобы успокоить короля, что русские идут гигантскими шагами, когда дело касается их выгод, и шагами черепахи, когда дело касается чужих интересов» (18 мая 1792 г.). Сведения из Кронштадта были разноречивы. 25 мая, на основании донесений агентов, Жене сообщал, что, вместо увеличения вооружений, разоружают три корабля, а 29 мая он писал: «Спешу уведомить, что третьего дня в Кронштадте получен приказ отправить возможно скорее в Копенгаген фрегат и три транспорта, на которые должны быть погружены 200 пушек». В конце концов, Жене убедился, что если будет послана эскадра в Средиземное море, то только в целях наблюдения (8 июня 1792 г.). Кроме того, он выразил полную уверенность, что русские моряки не склонны сражаться с французами (27 апреля 1791 г.).

Когда Франция объявила войну Австрии, из под пера Жене вырывается такая фраза: «Виды императрицы осуществляются: державы Европы будут заняты, и русские войска не замедлят войти в Польшу» (11 мая 1792 г.). Предсказание Жене осуществилось очень скоро. Русские войска были двинуты в Польшу «из чувства дружбы к полякам для восстановления прежней конституции. Нельзя представить себе большей наглости!», — восклицает Жене (8 июня 1792 г.). Он не видит больше опасности для Французской революции со стороны России. «Императрица приняла план принцев, потому что он должен был зажечь пламя войны, которая ей была нужна, чтобы беспрепятственно действовать в Польше, Швеции и, может быть, в Азии. А теперь, когда главные удары нанесены, ей все равно, имеем мы одну палату, или две, или три, ограниченную монархию или неограниченную» (8 июня 1792 г.). А между тем, эмигранты слепо верили обещаниям Екатерины. Эти надежды не поколебались и тогда, когда Екатерина стала показывать некоторую холодность по отношению к эмигрантам, и Эстергази писал Сен-Присту, как уже о решенном деле, что императрица дает эмигрантам 15 тысяч солдат из той армии, которая находится в Польше (1 июня 1792 г.).

Если перейти теперь к вопросу об отзвуках Французской революции в русской жизни, то, прежде всего, надо отметить, что всякая революция пропагандируется самим существованием ее. Сведения о Французской революции печатались в газетах и вызывали толки в обществе. Жене не раз упоминает в своих донесениях о сильном впечатлении, которое производит в петербургском обществе бурный ход революции. Он знал

только аристократическую среду, но и она поддавалась натиску революционных настроений. Такие эпизоды Французской революции, как бегство короля, горячо обсуждались «при дворе, в городе и среди дипломатического корпуса» (16 сентября 1791 г.). «Энергия,—пишет Жене,—которую проявляет наша нация, производит тут большое впечатление» (14 февраля 1792 г.). Сам Жене не мог не быть пропагандистом. При всех своих колебаниях, он был увлечен идеями революции и эти идеи, вольно или невольно, пропагандировал в своих беседах на политические темы с лицами высшего петербургского общества. Он имел друзей среди придворных, пользовавшихся особым доверием Екатерины (16 декабря 1791 г.). Ему оказывали расположение некоторые дамы гатчинского двора, «дружба с которыми давала ему утешение», пока Павел не отдал приказа, запрещавшего его придворным видаться с Жене (13 сентября 1791 г.). У него были связи с чиновным миром, в частности, в коллегии иностранных дел, и люди, «пользующиеся доверием Остермана», выдавали ему государственные тайны (23 сентября 1791 г.). У него были знакомства среди молодежи в гвардии и флоте. Наконец, он бывал и среди зажиточной буржуазии, где искал невесту с хорошим приданым. Одна из этих невест, как писал Жене в письме к сестре, «требуется, чтобы я отказался посещать высшее общество, где меня принимают с бесконечной добротой» (22 февраля 1791 г.).

Жене представляет Россию в виде колосса на глиняных ногах. Ее силы подтачивают такие серьезные болезни, которые способны разрушить весь ее организм. Существующий режим непрочен и по несогласиям в императорской семье, и по завоевательной политике, и по классовым противоречиям, и по экономическому состоянию масс. К вопросу о внутреннем состоянии России Жене возвращается в очень многих письмах и дает ряд любопытных подробностей.

Связанный по своим знакомствам с придворными сферами, он обладал большою осведомленностью о жизни царской семьи. Екатерина II—его политический враг, как самодержица, и личный враг, как виновница его двусмысленного положения. Она в его глазах «высокомерная женщина» (4 ноября 1791 г.). Политика ее вероломна и может внушить только ужас: она всегда старается поддерживать в соседних странах анархию и тем ослаблять их силы. Примером может служить Польша, в которой введение новой благодетельной для страны конституции задерживается Россией. Екатерина расточительна сверх меры, несмотря на нищету подданных, и даже министры принуждены бывают сдерживать ее. Поддержка эмигрантов уже стоит ей 500 000 рублей, «и я хорошо знаю,—прибавляет Жене,—что это не особенно нравится ни ее министрам, ни придворным, ни подданным» (14 октября 1791 г.). «Екатерина передала принцам,—пишет Жене в другом письме,—всего 2 277 500 ливров. Было еще назначено 600 000 пиастров через генуэзский банк, но общественное мнение так возвысило голос против этого, что министр финансов ловко воспользовался этим движением и отменил прежние распоряжения. Этот факт, в подлинности которого я уверен, показывает, что даже самодержавие не свободно от давления общественного мнения» (2 декабря 1791 г.).

Вероятно, Екатерине было не особенно приятно читать в перлюстрированных письмах Жене сообщения о том, что она стареет и приближается конец ее царствования. «Екатерина II заметно опускается; она это видит, и ею овладевает меланхолия...» «Состояние здоровья императрицы внушает опасения. Царствование великого князя будет слабым и бурным.

Его старший сын наделен телесной крепостью и чистотою чувств, но без силы воли и твердости мысли, и, по всей вероятности, блестящий период истории России кончится с Екатериной II» (22 июня и 24 июля 1792 г.). Великий князь Павел не пользуется расположением со стороны Жене. «Великий князь во всем идет по стопам своего несчастного отца, и если сердце великой княгини не есть храм всех добродетелей, то он некогда испытает ту же участь, что и Петр III, и он этого ожидает, говорит это ей самой. Он доставляет ей много огорчений, открыто живет с одной из фрейлин, г-жей Нелидовой—особой необыкновенно безобразной и свое нравной. Он мрачен, ворчлив, никому не доверяет. Придворные его ненавидят, состоящие под его командой военные стонут от его мелочной строгости. Гвардия его не любит, и, как только он вступит на престол, неисчислимы революционные движения, несомненно, положат конец блестящему периоду царствования Екатерины» (16 сентября 1791 г.). Вот выдержка из другого письма: «Императрица осуждает своего сына, но в глубине души она вовсе не огорчена тем, что он сам губит себя в глазах общества и тем гарантирует спокойный конец ее царствования... Достоверно, что императрица совершенно не любит великого князя, боится его беспокойного характера, знает, что он порицает все ее действия и предполагает все изменить после ее смерти; поэтому она предпочла бы разделить корону между двумя своими внуками, воспитанными по ее принципам и под ее наблюдением» (15 ноября 1791 г.). Павел—убежденный враг революции, понимающий всю опасность ее для трона. «Этот принц имел неблагоразумие сказать среди толпы придворных, которые его ненавидят, что настоящий момент—решительный для государей, и что если они не поймут необходимости изгнать из их государств всех французов, которые подчиняются законам, продиктованным Национальным собранием, то он не отвечает, что до истечения двух лет Европа не будет перевернута вверх дном. Я могу поручиться за точность этих замечаний» (13 сентября 1791 г.).

Молодые великие князья²⁵ встречают у Жене сочувственное к себе отношение, так как есть надежда, что они благосклонно отнесутся к революции. «Младшие великие князья очень интересуются успехами нашей революции. Приставленные к ним воспитатели—все люди просвещенные, считающие своим долгом ничего не скрывать» (3 января 1792 г.). В последнем, впрочем, усомнился и сам Жене, как видно из следующего, очень любопытного письма: «Один из моих друзей доверил мне рассказ, который я хочу сообщить вам, но о котором я прошу сохранить строжайшую тайну, так как разглашение скомпрометирует моего друга и лишит нас одного из лучших источников. Лица, приставленные к воспитанию молодых великих князей, впитав, как и весь двор, идею, что императрица ненавидит нашу конституцию, старательно избегали говорить о ней своим августейшим воспитанникам и даже отказывались удовлетворять их любопытство о положении Франции. Но каково было их изумление, когда они услышали несколько дней тому назад, что в. к. Александр затеял дискуссию о правах человека и других положениях нашего общественного договора. Спрашивали один у другого, кто мог так хорошо все это разъяснить великому князю, каждый клялся, что не касался с ним этих вопросов, и, наконец, решили спросить его самого, чтобы раскрыть эту тайну. Александр любезно удовлетворил их любопытство и со всей невинностью своего возраста сообщил им, что это бабушка рассказала им о французской конституции по всем ее пунктам, разъяснила причины революции 1789 г., но рекомендовала

запечатлеть все это в своем сердце и никому не говорить. Этот факт не показывает ли, что Екатерина в глубине души сочувствует, как писательница и философ, нашим законам, но показывает к ним враждебность, как государыня и самодержица, из политических соображений» (8 июня 1792 г.). Рассказ о наивности 15-летнего Александра маловероятен, но интересен, как отголосок тех разговоров, которые ходили в русском обществе о политических воззрениях Екатерины в конце ее царствования.

Почва для революции в России, по мнению Жене, вполне подготовлена. К этой теме он возвращается много раз, и она занимает его с двух точек зрения: насколько сильным противником революции является Россия, и насколько возможно революционное движение в России? Даю выписки из писем Жене в хронологическом порядке, не стесняясь размерами их ввиду интереса затронутых вопросов.

3 ноября 1789 г. Жене писал Монморену: «Если русские крестьяне, которые не имеют никакой собственности, которые все находятся в состоянии рабства, разорвали бы свои оковы, их первым движением было бы перебить дворянство, которое владеет всей землей, и эта столь цветущая страна была бы ввергнута в ужаснейшие бедствия. Многие просвещенные люди не скрывали от меня беспокойства, которое они испытывали в связи с продолжающейся войной: народ громко жалуется на строгость и повторность наборов, дороговизну всех товаров, на хлебные цены. При таких обстоятельствах достаточно искры, чтобы направить все умы к возмущению». «Крупные помещики,—пишет Жене в письме от 15 января 1790 г.,—серьезно начинают возвышать свой голос, так что пришлось послать в Москву г. Шешковского из тайной канцелярии, чтобы подавить их. Народ стонет повсеместно от постоянного отрыва от земли лучших работников и от семьи кормильцев. Серебро совершенно исчезло из обращения, и всем ясно, что правительство под названием банковых билетов выпускает простую бумагу. Урожай в этом году был низкий, а в следующем будет еще хуже, так как совсем не было снега, мороз бывает только временами, и семена гниют в земле. Доходы с земли уменьшились, торговля едва прозябает, курс непрерывно падает, и все показывает, что пора кончать войну и залечивать раны, которые она причинила». В письме от 7 января 1791 г. Жене отмечает контраст между бедственным положением жителей России, всеобщим обеднением, военными неудачами и блеском двора.

После того, как были прерваны официальные сношения русского правительства с Жене, он решил посвятить свой досуг составлению политических обзоров, предупредив Монморена, что напишет на эту тему 4 письма: «Я дважды перемену шифр, чтобы избежать, если возможно, опасности перехвата столь важных сообщений; впрочем, если их и перехватят, то узнают истину, которая, надо пожелать, принесет свою пользу» (8 ноября 1791 г.). Письма эти были перлюстрированы, но первые два не расшифрованы,—надо полагать, не по невозможности расшифровки, так как, повидимому, все шифры, которыми пользовался Жене, были в коллегии иностранных дел хорошо известны, а потому, что размышлениями Жене об общем политическом положении мало интересовались, и расшифровывалось только то, что относилось к оценке внутреннего положения России. «Мне представляется,—пишет Жене 8 ноября 1791 г.,—существенным представить точные сведения о действительном состоянии сухопутных и морских сил России, ее финансов и ресурсов. Императрица располагает 30 кораблями на Балтийском море и 17-ю на Черном, с соот-

ветствующим числом фрегатов. Но, хотя в последнюю войну она подняла полмиллиона людей, экипажи так же недостаточно укомплектованы, как и сухопутные войска. Все эти невинные жертвы захватнических притязаний погибли или от оружия неприятеля, или от голода, или от болезней, или от чумы, которая теперь пожирает в Молдавии победителей и которая, повидимому, была причиной смерти Потемкина. Можно допустить, что Россия с большими усилиями может выставить 150 000 бойцов и 20 000 неопытных моряков. Финансы находятся в самом печальном положении, серебро совершенно исчезло, платят за 100—25; количество бумажек непрерывно увеличивается до невероятной степени, и без нажима деспотической власти они не имели бы никакой цены. Расходы вместо того, чтобы уменьшаться, увеличиваются; роскошь, разоряющая государство и предвещающая банкротство, истощает двор и частных людей; состояния переходят в руки торговцев, которые в большинстве еще находятся в рабском состоянии, но скоро окажутся могущественнее своих господ. Недоверие к правительству мешает успеху займов, которые были объявлены во время войны, но до сих пор еще не покрыты. По мнению наиболее опытных negociантов и банкиров, новая война довершит разорение государства, которое не продержится больше года... Гигантские замыслы, возникшие у гордой, но стареющей Екатерины, мало-помалу низведены на подобающее место силой вещей. Мы видели, до какой степени эта суетная и высокомерная женщина обманута лъстецами о состоянии своих военных сил и финансов. Ее ослепление достигло такой степени, что она вообразила, будто природа не положила границ человеческому величию, и, вместо того, чтобы лечить раны, нанесенные государству войной, совершенно ничем не оправданной, вместо того, чтобы поощрять торговлю, искусства, земледелие, своим влиянием поддерживать справедливость и умеренность, она предается самой необузданной гордыне. Но если она не видит готовой разверзнуться под ее ногами пропасти, я несколько освещу ее, чтобы показать ее глубину. Три рода революции угрожают этому государству. Крестьяне, среди которых Екатерина необдуманно распространяла идеи свободы в то время, когда она так же афишировала принципы современной философии, как теперь принципы деспотизма, более готовы, чем думают, сбросить иго своих господ-тиранов; школы с каждым годом увеличивают число грамотных, которые пожирают отрывки новостей из Франции, довольно точно передаваемых русскими газетами. Я видел многих из этих людей, которые плакали от радости, узнав, что король принял конституцию; я слышал, как другие говорили с энтузиазмом, что, если их сыновья, братья или родственники будут взяты на войну против французов, они будут заклинать их всем, что им дорого, чтобы они стреляли в воздух. Прибывшие из Москвы путешественники уверяли меня, что там народ настроен к нам еще более благоприятно, чем здесь. Подобные же сведения доносятся до меня и из внутренних областей государства, и это показывает, что в этом государстве заложены семена истинной демократии. Но признаки революции аристократической возвещают более скорую бурю. Большая часть русского дворянства после смерти Петра II намеревалась устроить государство в форме дворянской республики, но, наткнувшись на ряд препятствий, возникших, вероятно, вследствие недостаточной широты взглядов, они согласились, сохраняя в своих руках бразды правления, титул государя передать кому-либо из императорской фамилии и выбрали на престол Анну Иоанновну. Они предполагали держать ее

в зависимости, но были запуганы, и с того времени государи крепко держат их в своих руках. Теперь же тесные связи, которые я поддерживал со многими из них, показали мне, что они только ждут удобного случая, чтобы разбить оковы. Наша революция не может послужить им примером, потому что они считают положенные в нее принципы несовместимыми с системой рабства, на которой заложено их благосостояние, они предпочитают подражать Польше, и надо признать, что ввести в России польскую систему менее опасно, чем нашу, которая применима только к народу мягкому по характеру и просвещенному. Мне остается указать еще на третью линию оппозиционного движения, которую можно подметить при дворе великого князя. Этот человек, мрачный, беспокойный и мстительный, недовольный своей судьбой, поссорился с императрицей. Он живет в удалении со своей любовницей Нелидовой и заставляет ее, а также великую княгиню и всех окружающих страдать от мрачности своего настроения. Смерть Потемкина не разуверила его в намерениях императрицы относительно него, и многие уверены, что, если бы ее фаворит, недоверчивый и подозрительный, не удалил от него всех, кто мог бы ему помочь, он захватил бы в свои руки кормило правления. Надо иметь очень много сил, чтобы предупреждать столь опасные грозы, восстанавливать порядок во всех частях управления, предотвращать банкротство, поддерживать армию, которую Потемкин хотел привлечь на свою сторону подкупом, но, к сожалению, императрица вследствие крайнего самолюбия убеждена, что ее хватит на все. Князь Потемкин был ленив и причудлив, но, несмотря на свои недостатки, умел держать в своих руках все нити. С его смертью поколебалось все государство. Анархия достигла крайнего предела, интриги при дворе так осложнились, что среди них не могут ориентироваться самые опытные из придворных. Граф Безбородко отослан в Молдавию, как в ссылку, фаворит Зубов, молодой человек без ума и талантов, занял его должность, нация ропщет. Московский губернатор доносит о постоянных волнениях; те, которым я дал знать о приготовлениях к моему отъезду, возмущены; замечают беспокойное состояние биржи и рынка, народ открыто осуждает войну, которая, по его мнению, нам угрожает; гвардейские офицеры третьего дня много аплодировали во Французской комедии «Свадьбе Фигаро», где есть намеки на глупость солдат, которые идут на бойню, не зная, за что,—все это настолько поразило правительство, что тайный советник Валуев, близкий друг Остермана, вчера пришел ко мне, чтобы подбодрить меня, уверить, что никто в Совете не одобряет интриг Кобенцля, Эстергази и принца Нассау, и сказать мне, что друзья мира примут все меры, чтобы не допустить разрыва с нами. Я ответил этому тайному советнику, что я всегда буду надеяться, что императрица признает, что истинное величие монархов состоит не столько в том, чтобы добиваться завоеваний и диктовать свою волю другим народам, сколько в том, чтобы мудро править государством и сделать своих подданных счастливыми. Так не будем страшиться этого эфемерного метеора, этой державы, имя которой едва было нам известно, пока Петр I не вывел ее из ничтожества».

После этого письма Жене не раз повторяет в других письмах мысль о неизбежности русской революции в самом непродолжительном времени и указывает на симптомы революционного брожения. Между прочим, в письме от 5 июня 1792 г. он сообщает, что полиция на почте перехватила переписку между московским и петербургским дворянством

ЕКАТЕРИНА II
Рисунок В. Головиной
Музей города, Ленинград

о предъявлении сообща требований к правительству и что многие дворяне в обеих столицах арестованы. Через 3 дня Жене возвращается к излюбленной теме: «Несомненно, что русские дворяне почти все жаждут ограничить власть своей государыни; она это знает, я не могу в этом сомневаться и уверен, что между разными причинами войны с Польшей действует и такая, что государыня хочет уничтожить конституцию, которой удивляется все русское дворянство, а другая причина состоит в том, что необходимо занять военную молодежь, настроение которой, действительно, дает основания к беспокойству» (8 июня 1792 г.).

По мнению Жене, Французская революция встречена русским обществом с большим восторгом, и гонения на новые идеи и на носителей этих идей только вызывают сочувствие по отношению к французскому поверенному в делах. Когда Жене получил отказ от двора, то общество ответило на это изъявлениями сочувствия. «Я думал,—пишет Жене,—что эти порабощенные люди не осмелятся даже бросить взгляд на человека, которого двор считал демократом за то, что он осмелился отважно защищать интересы своего отечества и своего короля, но я ошибся: мало знакомые мне люди приветствуют меня и при встрече ласково со мною заговаривают... большое число молодых гвардейских офицеров явилось ко мне расписаться. Я тронут этими знаками уважения и в них читаю будущую историю России» (13 сентября 1791 г.).

«При дворе,—пишет Жене в другом письме,—есть смелые люди, которые открыто защищают меня; особенно в гвардии у меня много друзей, почти вся молодежь за меня». Даже министры, по мнению Жене, на его стороне: «Я уверен, что большинство русских министров, в частности Морков, не одобряют гонения на нас в то время, когда нация проявляет в высшей степени мудрость и умеренность» (2 сентября 1791 г.). Для Екатерины Жене был, так сказать, живым воплощением французского революционера, но Жене был ее политическим врагом, мешавшим осуществлению ее планов, и врагом личным, дававшим о ней нелестные отзывы и затрагивавшим слишком щекотливые темы о ее семейных отношениях. Так как частные корреспонденты Жене были далеки от революционных идей,

то и они не могли сочувственно отзываться о происходящем во Франции, не понимали смысла событий и лишь, с раздражением, отмечали бурный ход революции.

Екатерина читала и частную переписку Жене. В дневнике Храповицкого под 14 июля 1790 г. записано: «Позван. Из перлюстрации читать изволила письмо Сегюра к Женету и к нему же от его сестры: злы на уничтожение титулов; опасаются, чтоб не сделалось чего с королевской фамилией в праздник на Марсовом поле»²⁸. Из писем г-жи Кампан, сестры Жене, никак нельзя было вывести благоприятных заключений о положении дел во Франции. «Анархия продолжается,—пишет г-жа Кампан 8 января 1791 г.,—и мы еще долго будем жить среди беспорядков. Вчера мы пережили очень печальный день: так как духовенство должно было приносить присягу, во многих приходах был шум, но, к счастью, без убийств».

Подобные письма не могли способствовать развитию тех ростков революционного настроения, которое начало было овладевать Жене. Одиноким в своих мыслях, далекий от борьбы за новые идеи и за новый порядок, Жене отстал от бурного течения революции и, в конце концов, сделался помещиком в Соединенных штатах Америки.

Мы коснулись только небольшой части тех интересных материалов, которые можно почерпнуть из перлюстрированных царской властью писем времени Французской революции. Совершенно не затронуто исследователями очень значительное по объему собрание писем, адресованных французским эмигрантам, и писем, направленных эмигрантами за границу. Так как в наших архивах сохранились также в большом количестве разного рода обращения эмигрантов к представителям русской власти и ответы на эти обращения, то нельзя не признать, что в нашем распоряжении имеется очень ценный материал, касающийся истории французской контрреволюции и отношения царского правительства к революции. В перлюстрированных письмах эмигрантов перед нами проходят многие из тех французских монархистов, которые вернулись во Францию в свите Бурбонов в качестве руководителей контрреволюционного движения.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Архивные материалы, использованные в настоящей статье, хранятся в ГАФКЭ, Москва (Фонд «перлюстраций»).

В издании «Recueil des instructions données aux ambassadeurs et ministres de France depuis les Traités de Westphalie jusqu'à la Révolution Française. Publié sous les auspices de la Commission des archives diplomatiques au Ministère des affaires étrangères. Russie. Avec une introduction et des notes par Alfred Rambaud. T. II. 1749—1789. Paris 1890» на стр. 478—540 напечатаны инструкция, данная гр. Сегюром Жене, и в выдержках переписка Жене с французскими министрами иностранных дел за 1789—1792 гг. Из напечатанных в настоящей статье перлюстрированных писем Жене в указанном издании даны по подлинникам донесения от 3 ноября 1789 г., 17 июня, 2, 6 и 13 сентября 1791 г., одно из писем от 8 ноября того же года, 8 и 12 июня 1792 г. и несколько мелких отрывков.

² «Записки гр. Сегюра о пребывании его в России», СПб. 1865, стр. 116. Ségur Луи-Филипп, граф де (1753—1830) принимал участие в освободительной войне американцев и по возвращении во Францию был на военной службе до назначения в 1783 г. французским послом при петербургском дворе. Завоевал симпатии Екатерины II и принимал деятельное участие в увеселениях двора. Старался смягчить натянутые отношения между Францией и Россией, мешавшие взаимному пониманию в течение нескольких десятилетий. Возвратившись в Париж, он всецело отдался литературной работе и не играл более никакой политической роли.

⁸ «Дневник А. В. Храповицкого 1782—1793», под ред. Н. П. Барсукова, СПб. 1874, стр. 33.

⁴ *Ibid.*, стр. 414.

⁵ *Montmorin* Арман-Марк, граф де (1745—1792)—французский посол в Мадриде, потом, с 1787 г., французский министр иностранных дел; после бегства короля вышел в отставку, но оставался его советником, в 1792 г. гильотинирован в Париже.

⁶ «Дневник Храповицкого», стр. 248.

⁷ Намек на отмену Людовиком XIV Нантского эдикта 1598 г. о свободе вероисповедания во Франции. Спасаясь от религиозных преследований, французские протестанты после отмены эдикта в большом количестве переселились главным образом в Голландию, Пруссию и Англию.

⁸ «Общий морской список», ч. IV, стр. 272, и ч. V, стр. 348. Сведения о названных офицерах в списке очень кратки: Буртон Луск на русскую службу зачислен из английского флота лейтенантом 12 ноября 1788 г., был в плавании по Балтийскому морю в 1789 г. и 19 апреля 1790 г. уволен от службы. Луи Шатонёф принят 6 июня 1789 г. мичманом, в 1790 г. за отличие в Выборгском сражении со шведами произведен в лейтенанты, выбыл до 1792 г. Краткое пребывание их в русском флоте и невысокие чины вызывают сомнение в их осведомленности и связях, какие им приписывает Жене. План посылки Луска и Шатонёфа в Копенгаген, Гамбург и т. д. был вполне одобрен французским правительством, которое отдало соответствующие распоряжения по границам на случай появления там названных офицеров.

⁹ Принц Карл Нассау-Зиген (1745—1808)—известный военный деятель, путешественник и авантюрист. Екатерина II в 1787 г. пригласила его на русскую службу в чине вице-адмирала. В 1788 г. он разбил турок на Черном море, а в 1790 г. успешно действовал против шведов у берегов Финляндии, но потом был разбит королем Густавом III под Выборгом. Неудача заставила его подать в отставку. Он покровительствовал французским эмигрантам, о чем не раз упоминает Жене в своих письмах: «Почтой получают длинные шифрованные письма принца Нассау к Екатерине с увещанием помочь дворянству и духовенству» (14 октября 1791 г.).

¹⁰ Шешковскый Степан Иванович (1727—1793)—сын коломенского полицеймейстера. Поступил на службу в 1738 г. в Сибирский приказ. Через два года перешел копиистом в московскую контору тайных розысковых дел. Переведенный затем в петербургскую контору, обратил на себя внимание гр. А. И. Шувалова и был назначен на секретарскую должность. Когда Екатерина II вместо упраздненной конторы учредила тайную канцелярию, то он занял в ней должность обер-секретаря. Лично был известен Екатерине, которая поручала ему ведение важнейших дел. Он принимал участие в розысках по делу Пугачева, Радищева, Новикова и др. Получил печальную известность своей жестокостью и был ненавидим во всех слоях общества.

¹¹ «Дневник Храповицкого», стр. 368.

¹² *Estéghazy* Валентин, граф де (1740—1815)—представитель французской ветви знатной венгерской фамилии. Был послан графом д'Артуа в Петербург просить помощи у Екатерины. Впоследствии поселился в России, получив имение на Волыни.

¹³ *Bombelles* Марк, маркиз де (1744—1821)—посвятил себя сперва дипломатической карьере. Как крайний монархист, эмигрировал в 1792 г., посетил Вену, Петербург, Копенгаген, Стокгольм с целью организовать военную демонстрацию против революционного правительства Франции; служил в армии принца Конде.

¹⁴ *Saint-Priest* Франсуа-Эмануэль, граф де (1735—1821)—долгое время был французским послом в Константинополе, где служил, между прочим, посредником во время мирных переговоров между Россией и Турцией. По возвращении во Францию в 1785 г. был назначен министром без портфеля в кабинете Неккера, а после взятия Бастилии занял пост министра двора, потом министра внутренних дел. Эмигрировал в 1790 г., жил в разных столицах Европы, побуждая державы организовать повсеместное выступление в целях восстановления власти короля. С 1795 г. состоял при Людовике XVIII в качестве министра его двора.

¹⁵ *Breteuil* Луи-Огюст, барон де (1733—1807)—прошел длинную дипломатическую карьеру; был послом в России, Швеции, Австрии. С 1783 г. министр двора. Стоял во главе реакционной дворянской партии и был главным советником Марии-Антуанетты. Был очень непопулярен и по своему высокомерному характеру и по австрийским симпатиям. Эмигрировал и по полномочию от короля вел тайные переговоры с державами о восстановлении во Франции старого режима, но не поладил с принцами и в 1791 г. был лишен своих полномочий.

¹⁶ *Samraп* Генриетта, урожденная Жене (1752—1822)—была чтицей при дочерях короля Людовика XV и потом состояла при Марии-Антуанетте. Основатель-

ница известного женского пансиона в Сен-Жермене во время революции, пользовалась большим вниманием со стороны Наполеона и потому подверглась гонениям после реставрации Бурбонов. Автор ценных записок о частной жизни Марии-Антуанетты.

¹⁷ «Записки гр. Сегюра», стр. 281.

¹⁸ D'O s m o n d, маркиз (1751—1838)—был назначен в 1791 г. послом при петербургском дворе, но не поехал туда, ввиду обострения отношений между Россией и Францией, и потом эмигрировал.

¹⁹ M o u s t i e r Франсуа, граф де (1751—1817)—был послом в Соединенных штатах (1787) и в Берлине (с 1790 г.), тайно обсуждал с прусским королем план интервенции и потом был представителем принцев при коалиции; изобличен в измене, заочно осужден, вернулся в Париж только в 1814 г. с Бурбонами.

²⁰ L e s s a r t Антуан де В а л ь д е к де (1742—1792)—французский министр финансов (1790), министр внутренних дел (1791), заменил затем гр. Монморена в качестве министра иностранных дел.

²¹ C h a m b o n a s Виктор-Сципион, маркиз де, был комендантом Парижа до 16 июня 1792 г., когда был назначен министром иностранных дел. В августе того же года эмигрировал в Лондон, где и умер в 1807 г.

²² Намерение Екатерины II использовать Французскую революцию для отвлечения внимания Европы от ее завоевательских стремлений было разгадано также прусским посланником в России гр. Гольцем, который 14 февраля 1791 г. писал своему королю: «Предпочтение, которое оказывается Эстергази, заставляет подозревать, что императрица имеет особый интерес приковать внимание Европы к Франции и потому продолжение смут в этой стране не настолько ей неприятно, как она хочет это представить».

²³ C h o i s e u l - G o u f f i e r Габриэль-Флоран-Огюст, граф де (1752—1817)—был послом Людовика XVI в Константинополе, потом, с 1792 г., служил в России и был директором Публичной библиотеки. Возвратился во Францию в 1802 г.

²⁴ S o b e n z l Людвиг, граф (1753—1809)—австрийский государственный деятель. Был послом в Копенгагене, Берлине и С.-Петербурге (1779), где принадлежал к кругу доверенных лиц Екатерины II.

²⁵ Имеются в виду великие князья Александр и Константин Павловичи.

²⁶ «Дневник Храповицкого», стр. 341.